

Вы меня сведете туда, Мюскадъ, не правда-ли? и мы подурачимся въ волю.

Отъ нея шелъ очень тонкій и пріятный аромать, хотя онъ и не могъ различить, какіе это были духи. То ему казалось, что пахнетъ ирисомъ, то вербеной. Но потомъ ему вдругъ подумалось, что она, быть можетъ, и вовсе не надушена и ему только такъ кажется, что аромать чудится ему, и ничто иное какъ обманъ чувствъ, очарованныхъ ея юной и обольстительной прелестью.

Она говорила:

— Рѣшено, Мюскадъ, не правда ли? Такъ какъ послѣ завтрака будетъ очень жарко, то мамаша не захочетъ выйти изъ дому. Она всегда раскисаетъ, когда жарко. Мы оставимъ ее съ вашимъ пріателемъ, а сами уйдемъ. Мы скажемъ, что идемъ въ лѣсъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ будетъ весело въ Гренульеръ.

Они дошли до рѣшетки, выходившей на Сену. Солнечные лучи заливали спокойную поверхность рѣки. Легкій паръ поднимался отъ нея и по временамъ по ней скользилъ легкій челнокъ или проплывала тяжелая барка, а издали доносились свистки поѣздовъ, развозящихъ каждое воскресенье парижское населеніе по окрестностямъ, и свистки пароходовъ, предупреждающихъ о своемъ появленіи передъ шлюзами Марли. Вдругъ прозвонилъ колокольчикъ, призывавшій къ завтраку. Они вернулись въ домъ.

Завтракъ прошелъ въ молчаніи. Жаркій іюльскій полдень давилъ землю, тяготилъ все живое. Жара казалась какой-то густой и парализовала умъ и тѣло. Слова замирали на губахъ, движенія были затруднительны, точно воздухъ оказывалъ имъ сопротивление.

Одна Иветта, хотя и молчала, но казалась оживленной и вѣтерпѣливой.

Какъ только десертъ сняли со стола, она сказала:

— Пойдемте гулять въ лѣсъ. Подъ деревьями свѣжо и пріятно.

Маркиза, повидимому изнемогавшая, пролепетала:

— Ты съ ума сошла! — развѣ можно выходить въ такую жару?

Молодая дѣвушка настаивала, покраснѣвъ:

— Мы оставимъ тебя вмѣстѣ съ барономъ, а сами съ Мюскадомъ пойдемъ бродить въ лѣсъ и сядемъ на травѣ.

И повернувшись къ Сервиньи, прибавила:

— Рѣшено?

Онъ отвѣчалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, мамзель Иветта.

Она побѣжала за шляпой.